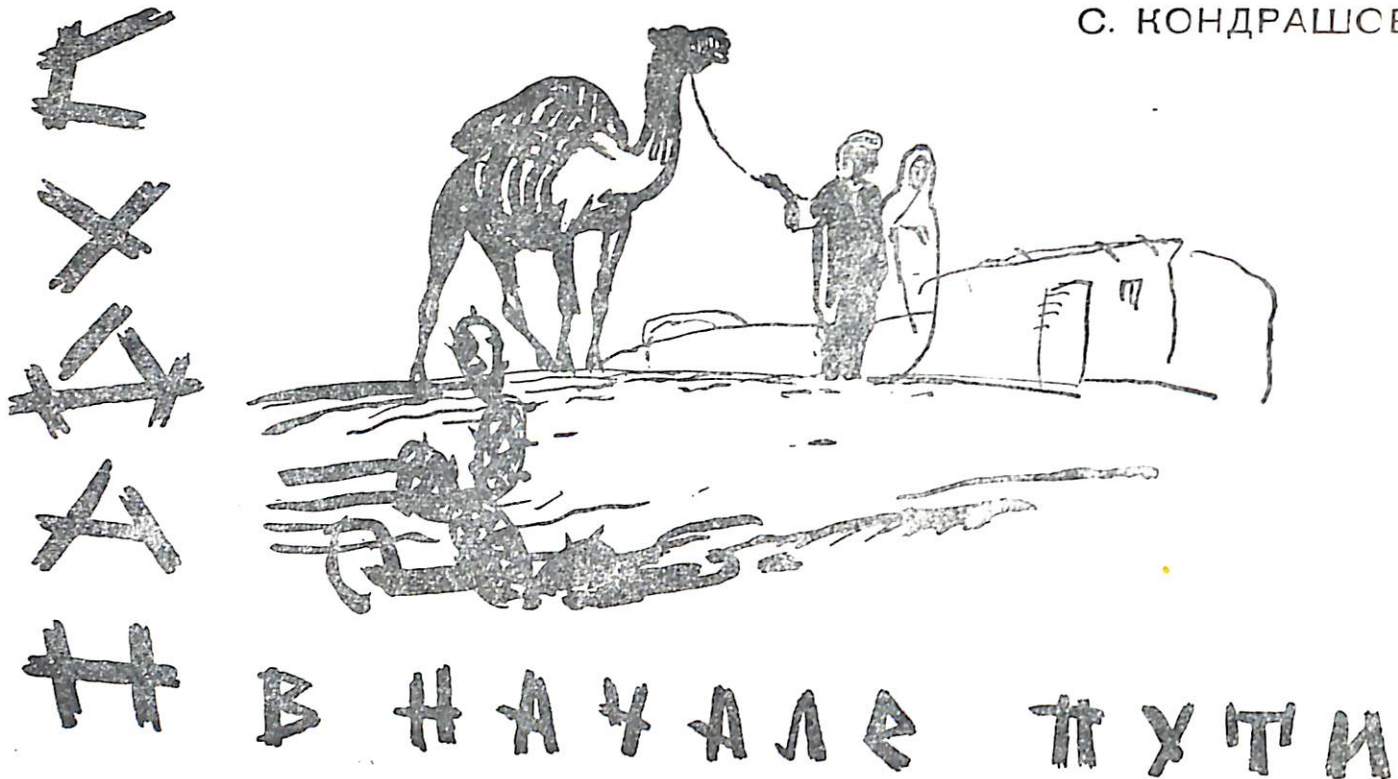




Рисунки Э. Булатова

НА РОДИНЕ ГУММИАРАБИКА

Суданский Запад. Провинция Кордофан. Родина гуммиарабика. Обширная область кочевий скотоводческих арабских племен. Места, в которых не был еще ни один советский человек. Все это придало особый интерес нашей поездке в аль-Обейд, центр провинции Кордофан, город с семидесятитысячным населением — третий по величине в Судане.

На первый взгляд аль-Обейд — обыкновенный провинциальный арабский город, каких десятки в Судане, в соседнем Египте и других арабских странах.

Избыток солнца и недостаток воды — вот что определяет их облик. Унылые песчаные улицы совсем без зелени. Глухие, как крепостные стены, глинобитные заборы без конца и края. За ними едва видны приземистые глинобитные домишки с плоскими крышами. Монотонный, лишенный радостной игры красок, городской пейзаж...

На улицах аль-Обейда море песка. В нем буксуют и вязнут легковые автомашины. Зато верблюды, не нарушая строя каравана, цепочкой входят в город и легко, привычно ступают по вязким пескам, раскачиваясь на длинных ногах и презрительно мотая из стороны в сторону маленькими змеиными головами. Караванщики располагаются на стоянку прямо посреди улиц. Они привыкли быть хозяевами в городе, возникшем на перекрестке караванных путей и ставшем большим пунктом товарообмена между бесчисленными местными торговцами и скотоводческими племенами. Кочевники приносят с собой в аль-Обейд атмосферу беспо-

койной походной жизни, что и делает его непохожим на другие арабские города.

Впрочем, не только приметы близких кочевий, не только племена кабашиш, кэвхла, хазабир, дар-хаммад, джована и другие наложили своеобразный отпечаток на столицу суданского Запада. Здесь наблюдаешь и те процессы миграций, которые происходят в глубинной Африке. Вдруг обнаруживаешь, что на окраине города глинобитные дома и заборы уступают место легким соломенным щитам, за которыми гнездами расположились соломенные конусообразные хижинки. В деревнях, слившихся с аль-Обейдом, живут африканцы-мусульмане из Бельгийского Конго и Нигерии. Четверть века назад они совершили хадж (паломничество) в Мекку, а на обратном пути осели в этих малопривлекательных местах, показавшихся им, однако, лучше подневольной родины. Живут они как беднейшие среди бедных. Все их имущество состоит из дешевого темно-синего покрывала, в которое укутываются женщины, и холщовой рубахи мужчин; дети бегают голышом. Легкие постройки часто становятся жертвой огня. Мы видели однажды, как среди жаркого полудня безоблачное небо заволокли клубы дыма. Над островерхими крышами заплясали языки пламени. Даже любопытные не очень спешили на пожар — настолько обычное это явление.

В соломенных поселениях на краю аль-Обейда живут не только негры, но и арабы — погонщики скота, батраки. Целая небольшая деревенька занята под «местный бар», как выражаются аль-обейдские чиновники. В полутьме хижин стоят бадьи с перебродившей дуррой (разновидность сорго). Эту массу зачерпывают тряпкой и через нее выдавливают в чашку мутную, грязную жидкость. Вот и весь секрет приготовления марисы — местной браги. Над хижинкой, где продается мариса, поднимают на длинном шесте маленький флажок, видный издали.

Окончание. Начало см. «Современный Восток» № 8 и 10 за 1958 год.



ницу в поисках корма для животных и воды. Осуществляя свою власть, губернатор опирается на надиров (вождей племен), ома и шейхов. Широкие полномочия имеют надир, которые через племенные суды могут приговаривать члена племени к тюремному заключению сроком до трех лет.

Глава городского самоуправления Мухаммед ас-Саид Шаар сообщил нам цифры, свидетельствующие о прогрессе, достигнутом в аль-Обейде за годы независимости: сейчас здесь 15 начальных и три неполные средние школы (две средние школы принадлежат пока католической миссии), разбито шесть общественных скверов, покрыто асфальтом 11 километров дорог, открыт большой кинотеатр.



Но народ не смотрит на эти зазывные флажки. Он толпится у больших железных чанов и водоемов, возле огражденных решетками общественных пунктов по продаже воды. Да, вода здесь платная, но спрос на нее, естественно, выше, чем на марису.

Вода! Ее не замечают там, где она в избытке. Но в этом краю вода—драгоценность, богатство, источник жизненных благ.

В кожаных мехах, перекинутых через круп ослика, воду развозят по домам. В жестянках из-под керосина, поставляемого английской компанией «Шелл», воду носят на головах женщины. В аль-Обейде идут наниматься водоносами мужчины из племени динка, которое обитает в провинции Верхний Нил. Говорят, что динка—самые высокие и самые черные люди на земле. Их средний рост—180 сантиметров. На лбу у каждого—четыре толстых бугристых пореза—знак племени. Худые, с поразительно длинными руками и ногами, динка могли бы, пожалуй, украсить любое соревнование по бегу и прыжкам. А в аль-Обейде они вешают через плечо суданское коромысло—прямую палку, к обоим концам которой прижато по веревке с той же стандартной жестянкой «Шелл»...

В аль-Обейде у нас было много встреч—с губернатором провинции, с начальниками департамента общественных работ и департамента животноводства, с главой городского самоуправления и другими должностными лицами. Естественно, каждый рассказывал прежде всего о своих заботах. Губернатор Абдаллах Мухаммед аль-Амин с гордостью подчеркнул, что он внук халифа Абдаллаха, ближайшего сподвижника Махди в войне против англичан в конце XIX века, и является первым суданцем — губернатором Кордофана. Фотографии десяти-пятнадцати его предшественников, висевшие тут же, на стене, доказывали правоту его слов — все это были англичане. Губернатор рассказал нам, как сложно управлять большой провинцией с населением 2250 тысяч человек. К тому же большинство жителей кочует, а многие даже переходят гра-

Начальник департамента животноводства отметил, что профилактические прививки домашнему скоту уже дали хорошие результаты, но доставлять вакцину к местам кочевий в условиях страшного суданского бездорожья очень трудно.

Мысли наших собеседников неизменно возвращались к воде. В самом аль-Обейде эта проблема в основном решена. Город расположен в низине, и во время харифа — сезона тропических ливней, продолжающегося с середины июня до середины октября, — его водоемы заполняются водой. Но как быть с кочевыми племенами? Правда, в последние годы количество «водных дворов» с помпами, качающими воду из глубин земли, увеличилось на одну треть, построено много искусственных водоемов. Однако все-таки этого недостаточно. Как и в стародавние времена, кочевники стараются запастись водой в период дождей. Они вырезают древесину из толстенных, по четыре-шесть метров в диаметре, стволов баобаба. В таких оригинальных резервуарах и хранится вода.

Вода нужна и для того, чтобы получить гуммиарабик, прославивший этот далекий суданский край. Верблюды и гуммиарабик — вот что связывает кордофанскую землю с внешним миром. Верблюды идут в Египет и Саудовскую Аравию, а гуммиарабик—во многие страны, где он используется в различных отраслях промышленности, на предприятиях, которых и в глаза не видели кордофанцы. Гуммиарабик занимает второе

место в экспорте Судана, дающего 85 процентов его мирового производства.

Как сосна дает смолу, так и некоторые виды аравийской акации дают гуммиарабик. В октябре, когда акация сбрасывает листву, ее кора осторожно взрезается топориком. Через 40 дней выделяется густой сок, застывающий янтарными наростами. Это и есть гуммиарабик, собираемый преимущественно членами племен бидерия и дар-хаммад.

В аль-Обейде находится самый большой в мире рынок гуммиарабика. Внешне он мало чем отличается от других аль-обейдских базаров. Те же группы верблюдов, улегшихся в холодке. Тот же толстый слой песка, покрывающий рыночный двор. Те же толпы продавцов и покупателей. Но в грудах раскрытых мешков искрятся на солнце янтарные шарики гуммиарабика.

Любопытно, что на рынке нет даже товарных весов. Раньше, когда крестьяне везли гуммиарабик в буйволовых шкурах, разных по величине, это доставляло немало хлопот купцам. Выход из положения был найден—крестьян снабдили стандартными мешками.

На рынке, где нет весов, существует, однако, зал аукциона. И пусть вас не вводят в заблуждение галабии—длинные белые рубахи—и чалмы людей, усевшихся за грубо сколоченные столы. Большинство из них—агенты английских экспортных компаний, скупающих почти весь суданский гуммиарабик.

—Боксолл купил... Боксолл опять взял... Боксолл...—только и слышалось в зале во время аукциона, на котором мы присутствовали. «Боксолл энд компани лимитэд» — крупнейший скупщик гуммиарабика.

Я искренне удивился: агент Боксолла купил так много партий...

—Чему же вы удивляетесь,—невесело сказал суданский кинооператор, снимавший в тот день рынок.—Разве вы не знаете, что здесь все английское?..

Потом в разговоре выяснилось, что гуммиарабик, этот редкий дар здешней природы, не приносит выгоды кордофанцам. У крестьян, продающих его, почти вся выручка уходит на покупку воды. На родине гуммиарабика вновь подтверждается старая истина: колониализм



ничего не дает народам, а только обирает, грабит их. Нет сомнения, что независимый Судан изменит такое положение и сам будет пользоваться благами своей земли, но пока оно остается прежним, ибо внешнюю торговлю страны целиком еще держат в руках английские компании. Кордофанцам остается, как и раньше, уповать на хороший дождь, сулящий урожай, торговлю, работу, хлеб.

...Губернатор провинции был настолько любезен, что дал мне разрешение на посещение Горного района, закрытого для иностранцев. Горный район, с центром в Дилинге—небольшом городке в 200 километрах к югу от аль-Обейда—известен по всей стране тем, что из 500 тысяч его жителей более четырех пятых принадлежат к племени нуба. Даже среди множества суданских племен нуба выделяются самобытностью образа жизни. В южной части Горного района, вокруг города Кадугли, деревни нуба вознесены на неприступные вершины голых скал. Жители чуждаются всех и вся. Шестидесяти-семидесятилетние старики ни разу в



жизни не спускались на равнину и никогда не видели собственных же соплеменников, живущих в трех-четырех километрах от них, на соседней горе. Южные нуба ходят совсем нагими. Их занятие—возделывание дурры на террасах, искусно созданных в горах.

В северной части Горного района, в местности Салляра, нуба успешно приобщаются к цивилизации. Деревни, состоящие из соломенных хижин, как повсюду в этой части Кордофана, располагаются у подножия гор, суровых и мрачных. На вершинах скал уединяются лишь куджуры—местные колдуны, которые, согласно существующему здесь поверью, могут вызывать дождь. В отличие от южных северные нуба носят одежду, а девушкам уже полюбились цветастые платки. Дети начинают посещать школы. У правительства существует большой план—вывести нуба на равнину и приучить их к возделыванию хлопка.

* * *

Возвращаясь из Дилинга в аль-Обейд по пыльной дороге, накатанной прямо по саванне, мы подумали, что судьбу Судана и его народа можно образно сравнить с судьбой племени нуба. Колонизаторы держали всю эту страну в такой же полной изоляции от внешнего мира, и так же она выходит теперь на дорогу прогресса, на столбовую дорогу человечества.

Мы остановились в придорожной деревне, чтобы купить сигарет. И здесь, в глухой деревушке, затерянной в дебрях Африки, где-то на далеком и мало кому известном суданском Юго-Западе, мы увидели нечто глубоко взволновавшее нас. В маленькой лавочке, торгующей керосином, мылом и спичками, на самом видном месте висел небольшой портрет Владимира Ильича Ленина. Прищуренные глаза Ильича внимательно смотрели на острые крыши соломенных хижин, на раскинувшиеся за ними просторы саванны—на высокую, выгоревшую траву, негустые купы деревьев с пышной, как бы подстриженной сверху кроной, на могучие крепистые баобабы, протянувшие в разные стороны короткие, толстые обрубки ветвей...

Как, какими судьбами попала сюда, куда газеты доходят так редко, именно та суданская газета, в которой был напечатан портрет Ленина? Какие побуждения руководили человеком, вырезавшим портрет и прикрепившим его на стене? Мы не спрашивали...

Встретившись с Лениным на полдороге между Дилингом и аль-Обейдом, мы вдруг ясно поняли, в чем же самая суть перемен, совершающихся ныне в Судане. Независимость не дала еще существенных материальных плодов, но важные изменения произошли и

происходят в сознании народных масс, ранее забытых и бесправных, как нигде. Просыпается то великое гражданское чувство ответственности за свою страну, которое заставляет простого человека сначала задумываться над ее прошлым, а потом приобщает его к активной политической деятельности во имя будущего.

Не раз встречались мы в Судане с людьми, которые по-народному просто и мудро судят о хитросплетениях политики. Запомнились нам слова одного шофера такси, по имени Ибрахим, поразившего нас своей осведомленностью в политических вопросах.

—Когда страна становится независимой, народ думает о будущем, о том, как пойдет дело дальше,—говорил он.—Потому и приходится интересоваться политикой. Англичане—да и кое-кто из суданцев—хотят, чтобы мы были, как осел на улице,—куда его гонят, туда он и идет, хотя и брыкается иногда. Ну, а нам этого больше не хочется. Это верно, что мы еще неграмотны. Но народ хочет лучше разбираться во всем, чтобы не обманули его снова, как раньше обманывали...

О нашей стране суданцы знают еще очень мало. Вождь сотысячного племени бидерия из окрестностей аль-Обейда, привыкший смотреть на мир глазами кочевника, спрашивал меня, много ли в Советском Союзе кочевых племен. Руководители аль-обейдской организации партии «Аль-Умма» тоже ничего об СССР конкретно не знают, хотя им и запала в головы западная басня о том, что коммунизм якобы притесняет религию. Там не менее вождь бидерии проявляет жадный интерес к жизни далекого великого народа, а в клубе «Аль-Уммы», где собралось человек сто пятьдесят, разгорелась жаркая перепалка—каждый хотел задать вопрос о Советской стране.

Официант в хартумском «Гранд-отеле» безмолвно подошел к нам и, наклонившись, спросил—почему-то шопотом: «А третий спутник вы еще не запустили?..»

Десятки простых людей на вопрос: что они знают о Советском Союзе?—отвечали почти одно и то же:

—Мы знаем немного, но главное. Россия поддерживает Объединенную Арабскую Республику, Судан, все арабские страны. Не будь этой поддержки, нас давно проглотили бы англичане и американцы. А пока Россия на нашей стороне—мы останемся свободными...

Судан в самом начале своего пути. Этот путь необычайно труден—от неимоверной отсталости к достойному будущему. Но народ пришел в движение. Он тянется к знаниям, к свету, из изолированных некогда глубин Африки он хочет видеть весь мир. Это нужно ему, чтобы не ошибиться, не быть обманутым, чтобы путь его к прогрессу оказался максимально коротким.

Хартум—Каир

